

Barbara Olaszek

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład literatury i Kultury Rosyjskiej
90–236 Łódź
ul. Pomorska 171/173

Поколение: модель и ее динамика (на материале русской классической литературы)

В статье на материале русской литературы XIX – начала XX веков рассмотрено становление модели поколения и ее динамика. На основании анализов сделаны следующие выводы: в изображении русских писателей модель поколения образовалась не столько на возрастной основе, сколько на почве общности исторического и культурного опыта. Модель поколения трансформировалась под влиянием важных исторических событий, интересов (искусство/наука), модных идеологий. Наиболее выразительный облик у поколений сороковых и шестидесятых годов – литературных *отцов и детей*. Отношение к этим двум традициям и тенденция освободиться от них стали основой идентификации очередных поколений: 1880-х, 1890-х и начала XX века. Внешним проявлением поколенческих отличий стал стиль жизни.

Ключевые слова: поколение, поколенческий опыт, русская литература XIX века.

Generation: The Model and Dynamics of Change (on the Basis of Works of 19th-Century Russian Authors)

The paper presents an attempt to reconstruct a generational model and brings some reflections on the dynamics of its changes. The following conclusions have been drawn from the analysis of a selection of works:

- the model of a generation was not age-related, but emerged in the consciousness of Russian writers on the basis of a shared social, cultural and historical experience;
- the ways in which individuals make sense of the past and establish generational identities are manifest in their attitude towards the prevailing values and norm systems of older generations, as well as in references to the literary images – in this case particularly to those of the 1840s and 1860s generations, of ‘fathers and sons’ – through acceptance or rejection thereof;
- members of the post-1880s generation rejected the legacy of their fathers, without offering anything in return, thus becoming a generation at the crossroads.

The turn-of-the-century generation was characterized by an ambivalent attitude towards their predecessors;

- the generational model evolved under the impact of historical events, fashionable ideologies and fascinations for art or science, which offered a common generational experience;
- the style of life came to be the outward manifestation of generational differences.

Key words: generation, generational experiences, 19th century Russian literature.

Понятие «поколение» имеет широкий семантический спектр. Приведем основные значения: «родственники одной степени родства по отношению к общему предку», «одновременно живущие люди (особи) приблизительно одного возраста», «группа людей, близких по возрасту, объединенных общей деятельностью, общими интересами»¹. Вильгельм Дильтей подчеркнул значение для формирования облика поколения общности культурного опыта и общественно-политических условий². Дильтейевское понимание понятия «культурное поколение» присвоила и русская наука³.

В нашем исследовании будем употреблять понятие поколение именно в социокультурном смысле⁴. Согласно заявленной методологической установке отметим, что в понятии поколение заложено отношение к предшествующим и последующим предкам/наследникам, т.е. к традиции. Традиция же в культурологии отождествляется с культурным наследием, в социологии – с социальным опытом.

В данной статье поколение является не исследовательской категорией, а объектом изучения. В русской литературе XIX века поколение является мотивом, особенно в поэзии, темой – в семейных сагах и хрониках, объектом изображения и структурной основой романов, конфликтообразующим фактором в драме.

В комедии Александра Грибоедова *Горе от ума* (1824) критерием принадлежности к молодому или старому поколению является отношение к государственной службе, правительству, просвещению и науке. Для Грибоедова, с одной стороны, оставались актуальными просветительские представления о значении авторитета и опыта старшего поколения, т.е. отцов:

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы на старших глядя:⁵

¹ Большой толковый словарь русского языка, ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2003, с. 895.

² См.: К. Wyka, *Rozwój problemu pokolenia*, [w:] tegoż, *Modernizm polski*, Kraków 1968, s. 431–464, А. Kamińska, *Kategoria pokolenia we współczesnych badaniach nad społeczeństwem i kulturą – przegląd problematyki*, „Kultura i Historia” 2007, № 11.

³ См.: *Поколение в социокультурном контексте XX века*, ред. Н. А. Хренов, Москва 2005.

⁴ Б. Дубин, *Поколение: социологические границы понятия*, <http://polit.ru/article/2002/04/17/474861/6> (режим доступа: 15 ноября 2014 г.)

⁵ Там же, с. 28.

С другой стороны, его беспокоил кризис авторитетов:

Где, укажите нам, отчества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?⁶

В изображении Грибоедова общим опытом, объединяющим представителей прошедшего века, были: непросвещенность, порабощенность, карьеризм. В роли оппонента сомнительных авторитетов выступил представитель молодого поколения – Чацкий. Автор комедии был убежден в необходимости появления новой личности, способной нарушить царившую общественную и политическую стагнацию. Чацкого отличает индивидуалистское сознание, свобода суждений и другие, чем у московских вельмож представления о частной и государственной службе. Он, руководствуясь умом, критикует старшее поколение, которое придерживаясь правил прошедшего века, не вызывало надежд на развитие. Последствием разногласий поколенческих идеалов является конфликт героя с закостенелой средой, завершившийся его личным поражением. По просветительской схеме герой должен стать реформатором сознания старого поколения, но он слишком поддается эмоциям, отступает перед ostrакизмом среды и спасается бегством. Можно заключить, что конфликт героя со средой имеет просветительскую основу, а мотивировка финального поступка (бегство) – романтическое обоснование. Они образуют новую поколенческую модель отношений: молодой индивидуалист и закостенелая среда.

В рефлексии поэтов-романтиков поколение является союзом молодых, которых объединяют идеалы дружбы, красоты, литературные интересы, тип образования. Чувство поколенческой общности нашло отражение в пушкинских дружеских посланиях, героями которых были друзья лицеисты. В стихотворении *Во глубине сибирских руд* (1827) чертой поколения – участников восстания декабристов, стали «свобода, любовь, дружество». В изображении Михаила Лермонтова объединяющим началом поколения стало участие в битве под Бородино. В стихотворении *Бородино* (1837) отличительной чертой поколения является героизм и патриотизм. Отношение поэта к современному поколению определено благодаря антитезе «богатыри – не вы». Критическая оценка современного поколения появляется и в стихотворении *Дума* (1838), в котором лирический герой рассказывает в том, что не воспользовался историческим и жизненным опытом предков, не обогатил свой опыт «ошибками и поздним умом отцов». В оценке лирического Я молодое поколение несет ответственность перед потомками, которым ему нечего передать в наследие – «ни мысли, ни трудов». Если в первом стихотворении межпоколенческий канал общения существовал, то во втором – связь поколений разорвана.

У основ концепции изображения поколения в романе *Герой нашего времени* (1840), главный герой которого составлен, по словам автора, «из пороков

⁶ Там же, с. 41.

нашего поколения, в полном их развитии)⁷, лежит убеждение в значении посторонних, независимых от человека факторов, таких как судьба. Раскрытие характера Печорина вносит существенную поправку в суждение о «порочности» поколения. Стремление автора найти противовес Печорину в «людях премудрых» (глава *Фаталист*) не приводит к разрешению дилеммы кто беспорочный, а кто порочный. Оценка предков снижается замечанием персонажа о ничтожности споров и вопросов, которыми увлекались предки, заключением о их близорукости, непонимании ими значения судьбы. Таким образом, рефлектирующий герой поставлен автором выше прозаических личностей. У писателей следующей генерации появится определение «поколение *Героя нашего времени*» для названия героев – рефлектирующих личностей, но оно употребляется в отрицательном значении.

Итак, идеалами романтического поколения являются свобода, любовь и дружба. Объединяющим началом – участие в исторических событиях. Психологической чертой – тоска и разачарованность.

Сороковые годы, – время ухода из жизни поэтов-романтиков и дебютов писателей-реалистов, – означает не только смену литературных поколений, но и привносит изменения в художественную модель поколения как такового. Центральное место занимает в ней переосмысление системы ценностей предшествующего поколения и отказ от них.

В изображении ведущих романистов сознание поколенческой отчужденности обнаруживается (*Обыкновенная история*), волнует (*Дворянское гнездо*), углубляется (*Отцы и дети*), ведет к полному разрыву (*Некуда*, *Бесы*, *Братья Карамазовы*, *Моя жизнь*) и к притворному примирению (*Петербург*). Данный тезис находит подтверждение в сюжетных конфликтах выше-названных произведений.

Момент ощущения принципиального различия системы ценностей, а затем процесс сближения представителей двух поколений – идеалиста-романтика Александра Адуева и делового человека Петра Адуева, заметим в романе *Обыкновенная история* (1847) Ивана Гончарова. Преображение юного романтика проходит в «школе жизни» опытного родственника. Выбор героем жизненного пути по образцу делового дяди дает основание для двойной интерпретации *Эпилога*: как крушения сентиментально-романтических идеалов или становления новых идеалов. Эффектом приспособления к новой реальности стало эмоциональное очерствение героя, его превращение из «чувствительного» в «холодного»⁸, его новый психологический портрет, предшествовавший литературным представлениям о «деловом человеке».

⁷ М. Ю. Лермонтов, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. IV, Москва – Ленинград 1962, с. 276.

⁸ Имеются в виду характерологические черты, нарисованные Н. М. Карамзиным в рассказе *Чувствительный и холодный* (1803).

Неоспоримое первенство в постановке проблемы конфликта поколений в середине века принадлежит Ивану Тургеневу, творцу концептов «лишний человек» и «отцы и дети». В изображении Тургенева «лишние люди» представляют поколение *отцов* – дворян-«гамлетиков», придерживающихся романтических идеалов красоты, искусства, добра. Однако, в условиях новой эпохи, называемой поэтами «железным веком» и позже, в послереформенную эпоху, эти идеалы оказались несвоевременными. Несовершенство современного поколения, инертного и неспособного заняться решением реальных задач, определить путь развития России волнует героя *Дворянского гнезда* и становится темой обсуждения гостей в салоне Калитиной. Паншин, употребляя местоимение *мы*, говорит от имени единомышленников и обращается ко *всем*, которые, как можно догадаться, – идейные противники: «казалось, он бранил не целое поколение, а нескольких известных ему людей»⁹. Отвечая Паншину, Лаврецкий придал понятию поколение историческое значение и отнес его к России – стране молодой, способной к развитию. Однако его идея постепенного развития звучит неубедительно, т.е. он, – романтик по душе и не больше, чем «лишний человек».

Намеченное Тургеневым в *Дворянском гнезде* ощущение разногласий в понимании задач стоявших перед современным поколением, углубляется в романе *Отцы и дети* (1862). Роман построен на противопоставлении старого и молодого поколений. Существенное значение имеет в нем датировка, уточняющая не только возраст героев, но и времена их интеллектуального формирования. Благодаря датам узнаем, что *отцы* – люди поколения отечественной войны с Наполеоном, получившие образование в Московском университете в период расцвета в нем свободомыслия, деятельности философско-литературных кружков. *Дети* – ровесники Николая Добролюбова, формировавшиеся в период пробуждения интереса к естественным наукам, либерального правительственного курса начала царствования Александра II.

Поколение *отцов* определяло свою идентичность в опоре на базовые для дворянской культуры принципы, такие как «аристократизм, либерализм», прогресс», увлечение искусством. Поколение *детей* в лице Базарова и его спутника Аркадия Кирсанова было поклонниками Бюхнера и Моллешота, декларировало приверженность к фактам добытым путем опыта, данным эмпирической науки, руководствовалось положениями пользы в нравственной сфере. Базаров издевался над увлечением искусством братьев Кирсановых, их принципами и в качестве программы действий выдвигал полное разрушение. Суть обоих поколений содержит рукописный, позже снятый Тургеневым эпиграф к роману *Отцы и дети*:

---

⁹ И. С. Тургенев, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, т. II, Москва 1954, с. 245.

Молодой человек (*человеку средних лет*). «У вас было содержание, но не было силы.

Человек средних лет. А в вас – сила без содержания» (Из современного разговора)¹⁰.

Эпиграф отражает авторский замысел, существенную для модели поколения разницу в возрасте героев, но акцент ставится в нем на содержании взглядов. Поколенческая общность возникает на идейной основе отрицания системы ценностей предшественников. Этот принцип особо обнаружился в ситуации обострения идеологической борьбы и возникновения субкультур в виде коммун в шестидесятые годы.

Николай Чернышевский в романе *Что делать?* (1869) изобразил последователей Базарова, которых назвал «новыми людьми». В слове повествователя он уточнил, что герои – единомышленники, с которыми читатели могли бы отождествить себя и которым могли бы подражать. Они задуманы не как идеализированные, а «обыкновенные порядочные люди нового поколения». Они – «новые», потому что у них другие чем у *отцов* кумиры (они не шеллингианцы и не гегельянцы, а материалисты и огюст-контисты) и другие нравственные принципы (разумный эгоизм). К «новым людям» принадлежит «передовая женщина» Вера Павловна – пионер в области организации женского труда и новых семейных отношений. «Новые люди» заняты не спорами с отцами-ретроgrадами, как это было в *Отцах и детях*, а утверждением собственного стиля жизни, основанного на теории утилитаризма и «разумного эгоизма». Роман *Что делать?* стал культовым для молодежи шестидесятых годов. Воздействие системы ценностей и стиля поведения «новых людей» на современников и последователей стало важным фактором их самоидентификации.

Например, в романе *Дым* (1866) члены губаревского кружка – студенты-естественники, продолжавшие обучение в Гейдельберге после закрытия Петербургского университета, присвоили стиль жизни «новых людей», что подтверждают аллюзии к роману *Что делать?* Н. Г. Чернышевского. Авторское отношение к ним отражено в прозвищах «вюноши» и «дикие русские юноши»¹¹. Наряду со студентами изображена высшая знать – люди поколения тридцатых-сороковых годов. Их поколенческую принадлежность помогают определить литературные реминисценции: пушкинское – «вся знать и моды образцы» и лермонтовское – «львы сороковых годов, эпохи *Героя нашего времени*»¹². Хотя обе группы не общаются друг с другом, то благодаря литературным реминисценциям становится ясно, что оппонентами людей сороковых

¹⁰ А. И. Батюто, Примечания, [в:] И. С. Тургенев, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, т. III, Москва 1954, с. 395.

¹¹ И. С. Тургенев, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, т. IV, Москва 1954, с. 96.

¹² Там же, с. 9.

годов – русских денди, являются шестидесятники – естественники, организаторы ассоциаций, артелей и коммун. Отдельно от них стоят Потугин и Литвинов. Первый выступает с позиций либерала-западника шестидесятых годов, второй только определяет свою идейную позицию. В данный раз писателя волновала не поколенческая оппозиция, а идейные разногласия, обнаружившиеся в русском обществе шестидесятых годов. В изображении облика поколений в *Дыме* Тургенев придает значение историческим и политическим факторам, таким как крестьянская и университетская реформы Александра II.

Подобные способы поколенческой идентификации использовал Алексей Писемский в романе *Люди сороковых годов* (1869). Писатель из перспективы шестидесятых годов изобразил формирование облика молодежи в сороковые-пятидесятые годы. В построении модели поколения он подчеркнул значение этапа интеллектуального формирования, влияние таких факторов как круг чтения, воздействие литературных кумиров (Онегина и Печорина), выбор типа образования (военного училища или университета) и университетской специальности (гуманитарной или математической). Автор романа подчеркнул значение в формировании поколения авторитета университетских профессоров, вида службы (штатской, военной), места службы (столица, провинция). Поколенческая общность возникает не на сословной основе, как это было в случае *отцов*, а на общности взглядов товарищей детства. Расхождения молодых с *отцами* обнаруживаются в таких вопросах как образование, служба, патриотизм. В финале романа молодые изображены сознательными деятелями, объединенными «хоровым началом», готовыми служить реформирующейся России. В концепции Писемского хотя они «люди сороковых годов», но вполне справляются с задачами, стоявшими перед людьми шестидесятых годов.

В основе изображения поколений Федором Достоевским лежит мировоззренческий критерий. В романе *Записки из подполья* (1864) писатель изобразил «один из характеров протекшего недавнего времени», «одного из представителей доживающего ещё поколения»¹³, т.е., как можно догадаться, «лишнего человека». Сам герой считает себя «человеком девятнадцатого столетия» – бесхарактерным, но развитым, порядочным и страдающим.

В других романах писателя возраст также не является главным критерием принадлежности к новому поколению. В романе *Преступление и наказание* (1866) тридцатипятилетний судебный следователь Порфирий Петрович считает себя представителем старшего поколения. Он противопоставляет себя, «старика», Раскольникову, которому двадцать три года. У матери Раскольникова иной критерий принадлежности к молодому поколению, чем у Порфирия Петровича. Лужин, человек среднего возраста, назван нею человеком «убеждений новейших поколений наших», т.е. причислен к молодому

¹³ Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах*, т. IV, Москва 1958, с. 133.

поколению. Он сам не чувствует общности с молодыми, наоборот, опасается новейших «мощных, всезнающих, всех презирающих и всех обличающих кружков», прогрессистов, нигилистов, обличителей. Однако, ради успешной карьеры Лужин готов был, по словам повествователя, «заискать у „молодых поколений наших”».

Герою романа *Идиот* двадцать шесть лет, но не возраст, а расхождение в принципах, является основой противопоставления с другими героями – дворянскими консерваторами, новыми либералами, деловыми людьми и нигилистами.

Роман *Бесы* не только содержит образ двух поколений, но и основан на конфликте *отцов и детей* и двух культурных кодов: дворянского и радикально-демократического. Достоевский нарисовал в романе идейный портрет *отцов* – представителей поколения сороковых годов, которые в условиях семидесятых годов стараются не отставать от молодых, перенимают стиль их поведения, заискивают перед ними. В итоге отцы становятся объектом манипуляции, на что указывают слова эпитафии: «В поле бес нас водит видно». *Дети* – представители шестидесятых годов, базируются на комплексе нигилистических базаровских идей и увлечения кружковщиной. В отличие от *отцов*, готовых с ними мириться, *дети* отклоняют любую форму сближения. Степан Трофимович потерявшийся в действительности рубежа шестого и седьмого десятилетий («Мы вовсе, вовсе не к тому стремились; я ничего не понимаю. Я перестал понимать»¹⁴), проклинает сына. Поколенческий разрыв становится фактом.

Проблематика разрыва поколений продолжена писателем в *Братьях Карамазовых* (1881) – очередном романе об *отцах и детях*. В романе создан обобщенный, но неоднородный образ поколений семидесятых-восьмидесятых годов. Старое поколение в романе представляет Федор Павлович Карамазов – человек двух эпох: до и после отмены крепостного права, циничный и безнравственный крепостник и предприниматель. Портрет старого поколения дополняют госпожа Хохлакова, купец Ляговой, но и Петр Миусов – либерал 40-50-х годов, русский европеец, хвастающийся личным знакомством с Прудоном и Бакуниным. Старому поколению противопоставлено молодое поколение, чертой которого является разобщенность, т.е. отсутствие общих норм и идеалов. Представителями молодых являются Иван, сочувствующий европейскому социализму и поколению прогрессистов шестидесятых годов, но и Ракитин – «новый человек», утилитарист, увлекающийся наукой, и Алеша – истинный христианин.

Новым элементом модели является прогноз поколения будущего, которое олицетворено в мальчиках-гимназистах. Обратим внимание, что их характеристике отведена в романе отдельная глава *Мальчики*. Поиски

¹⁴ Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах*, т. VII, с. 229.

мальчиками идеала приобретают особенно большое значение в контексте силы воздействия ложных учителей в лице Ракитина – популяризатора нигилистических идей, атеизма, естествознания и социализма. Симпатии мальчиков достаются Алеше, в котором они в будущем видят нового учителя.

В созданной романистами модели доминирует противопоставление систем ценностей поколений сороковых и шестидесятых годов и последовавший за ним разрыв. Все отчетливее слышится голос женщин.

Ближайшее будущее ощущается русскими писателями как «время неопределенности», разочарованности и отсутствия идеалов. В *Безотцовщине* Антона Чехова – пьесе, которую можно причислить к произведениям об *отцах и детях*, у «заходящего» и «восходящего» поколений различное отношение к жизни. Глагольев ссылается на духовную общность с романтиками в отношении к любви, дружбе, искусству и упрекает молодых в том, что они «изгнали романтизм». Иван Иванович Трилецкий признается в родстве с базаровыми, в симпатиях к материалистам и атеистам. Главным событием своей генерации он считает русско-турецкую войну. Молодые питают враждебные чувства к *отцам*. Платонов не считает отцов романтиками, а поклонниками фонвизинских Стародумов и Милонов, Скотинных и Простаковых. Он не любит и не уважает ни своего отца, ни его друзей. *Дети* отказались от наследия *отцов*, но у них не оказалось своих идеалов. Они неспособны добросовестно работать, выполнять интеллигентные профессии и в результате становятся «лишними людьми» и декадентами.

В повести *Дуэль* (1891) изображены представители двух поколений: «лишних людей» (Лаевский) и сциентистов (Фон Корен). Духовными отцами Лаевского («отцы по плоти и духу») названы Онегин, Печорин, байроновский Каин и Базаров. Сам Лаевский считает себя человеком восьмидесятых годов. Фон Корен – зоолог-исследователь, поклонник Спенсера и Дарвина, принципиальный враг романтиков и «лишних людей» является человеком шестидесятых годов. Финальное примирение Лаевского с Фон Кореном не равнозначно их сближению. Поколенческая коммуникация не восстановлена.

В повести *Моя жизнь* (1896) вновь появляется тема *отцов и детей*. Отец и сын Полозневых находятся в личной вражде и в идейном антагонизме. Сын пытается освободиться от наследия отца – дворянина по происхождению, но «чиновника по духу». Молодое поколение (Мисаил и его сестра, доктор Благово, Маша Должикова) изображено на этапе поисков жизненного пути. Мисаил выбирает путь опрощения, доктор Благово – науку, Маша Должикова – искусство. Они – поколение на распутье.

Подобная душевная раздвоенность отличает молодое поколение рубежа XIX и XX веков. С одной стороны, оно испытывает разобщенность с *отцами*, с другой, – связь с ними. Основой состояния, ощущаемого молодыми как препятствие к сближению с *отцами* является нелюбовь к науке, которой жило предыдущее поколение и увлечение искусством, которым пренебрегали

отцы. Сложность поколенческих дилемм особо заметна у «профессорских детей», т.е. русских символистов. В мемуарах Андрея Белого, сына известного математика, профессора Московского университета Н. В. Бугаева, появляется убеждение в отличии «профессорских детей» – литературного поколения поэтов-символистов, от отцов – поколения ученых, носителей так наз. «профессорской культуры»¹⁵. Например, А. Белый иронизировал над либерализмом «отцов» с их призывами к гуманности и верой в конституцию, с их идеалом поступать «конституционно и позитивистически», но признавался к близости с ними¹⁶. Одновременно в романе *Петербург*, подключающим литературный контекст *Отцов и детей* Тургенева, им созданы образы представителей двух поколений: *отца* – крупного прилежного чиновника и *сына* – почитателя Канта и несостоявшегося террориста. Героев связывает сложное чувство любви-ненависти. Оба называют друг друга негодяями и совершают символический акт убийства. В финале романа состоялось своеобразное примирение сторон: отец поселяется в деревне и пишет мемуары, сын – погружается в чтение философа Сковороды. Коллективный портрет молодежи, с которой общается сын – гротескный, представляющий собою коллекцию масок. *Молодые* – это «куклы», «бранкуканы», «мокрицы», т.е. миражное поколение.

Итак, модель поколения в русской классической литературе строилась не на биологической, но на идейной, исторической и социо-культурной основе. На протяжении века русские писатели создавали модель поколения, которая трансформировалась под влиянием исторических событий, таких как отечественная война с Наполеоном, восстание декабристов, реформы Александра II, идеологии славянофилов, западников и радикалов и меняющегося культурного опыта. Молодое поколение отталкиваясь от просветительских традиций, утверждало идеалы индивидуализма. По ходу времени романтические идеалы уступали место идеалам «новых людей», претендовавших на звание прогрессивного поколения. Эту ситуацию лучше всего отражает литературный концепт *отцы и дети*. Идентификация очередных поколений проходила путем отношения к литературным образам поколений. Поколение восьмидесятых годов пыталось освободиться от влияния обеих традиций, и сороковых, и шестидесятых годов, но само не предложило своих идей и стало «поколением на распутье». Молодое поколение конца XIX – начала XX веков испытывало трудности в самоидентификации. Многочисленные ссылки писателей на поколение Печорина или Базарова показывают значение не исторических, но литературных факторов поколенческой идентификации в формировании модели поколения.

¹⁵ А. Белый, *На рубеже двух столетий*, Москва 1989.

¹⁶ См.: В. Olaszek, «Профессорские дети» в отношении к позитивизму и символизму, [w:] *Dialog idei i poetyk*, red. O. Główko, Łódź 2008, s. 213–223.